

Nelly Malicka

Жанровые особенности романа Василия Гроссмана "За правое дело"

Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 5, 83-93

1981

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Жанровые особенности романа Василия Гроссмана „За правое дело”

Нэллн Малицка

Содержание литературного процесса в послевоенные годы 1945—1956 не было однородным. Победный дух войны витал над литературной этого десятилетия. Пафос изображения народного подвига в справедливой войне, высокий накал эмоций определили сущность и динамику советской баталистики. С победной атмосферой этих лет связана перестройка жанровой системы, выдвижение на первое место крупных эпических форм. Роман занял в ней примарное положение. В дальнейшем происходит дифференциация романа. Наблюдается смешение жанров, возникновение синкретичных форм, контаминаций приемов изображения.

После войны потребовались иные композиционные решения, чем те, которые практиковались фронтовой повестью. Рядом с традиционной фабулой, движимой военной операцией или хроникой воинской части, распространилась фабула, конструкцию которой составляла летопись семьи¹.

Форма семейной хроники проникает даже в исторический роман². Помимо семейной хроники бытует военная хроника. Вводится также малоисследованная тема тыловых подразделений³. В эти годы были задуманы и написаны большие эпические полотна с широким временным и пространственным охватом событий⁴.

Появление панорамных романов в *Истории русского советского ро-*

¹ Е. Поповкин: *Семья Рубанюк* (1952); А. Алексеев: *Солдаты* (1953); Г. Березко: *Мирный город* (1954); М. Шебунин: *Мамаев курган* (1954) и др.

² Среди данной разновидности наиболее показательны в этом отношении романы В. Кочетова *Журбины* (1952) и Г. Шолохова-Синявского *Волгины* (1952); М. Стельмаха *Большая родня* (1952).

³ Д. Давурин: *Второй эшелон* (1951).

⁴ М. Бубеннов: *Белая береза* (1947); И. Эренбург: *Буря* (1947); Э. Казакевич: *Весна на Одере* (1949); В. Катаев: *За власть Советов* (1952); К. Симонов: *Товарищи по оружию* (1952).

*мана*⁵ рассматривается как одна из ведущих тенденций в эволюции послевоенной прозы.

Отметим, что книги создавались в острых творческих спорах, главным среди которых было противопоставление (выражаясь языком более поздних дискуссий) „локальных замыслов” „синтетическим”. Распространенные в литературоведении того времени мнения, что только „синтетические замыслы” способны отразить эпоху войны, искусственное подталкивание эпоей шло только во вред литературе. Не останавливаясь пока на этом вопросе, отметим, что такое стремление к эпичности, не учитывавшее многих факторов, часто оказывалось в противоречии с реальными возможностями, объективными и субъективными.

Одновременно с эпичностью возрастает степень документализма и принцип ее разработки. Беллетристическую ткань повествования пересекают сводки, отрывки из приказов, секретные инструкции, рапорты, письма и т. д. Под собственными именами выступают действующие лица: Жуков, Рокоссовский, Ворошилов, Василевский, Чуйков, Панфилов, Штеменко, Тимошенко и многие другие.

Заметные сдвиги происходят и в самой литературе факта. На смену репортажно-публицистическим жанрам выдвинулись биографический роман, дневники, записные книжки и воспоминания очевидцев. Свидетельствовали они о частичных попытках реализации документализма без претензии на синтез и широкие обобщения. Однако эта тенденция из-за отсутствия необходимых условий быстро иссякла, чтобы вновь возродиться в новейшей баталистике. В сороковые годы литература „бывалых людей”, партизан и подпольщиков многими исследователями нередко рассматривалась как боковая линия военной прозы, почти граничащая с натурализмом⁶. По мере того как выявлялась эстетическая ценность лично пережитого на войне, традиция „записок” упрочилась как новый вид баталистики. Близкие к документальному жанру записки о войне приобщаются к художественной литературе.

Несомненно, активность и разнообразие документальной и очерковой прозы заметно повлияли на характер баталистики этого десятилетия. К концу периода все более кристаллизуется тяга к монументализму.

Война неизменно представляла как героическая эпопея, как коллективный подвиг всего народа с проявлением моральной красоты и силы. Пафосные атрибуты батальной живописи многим казались закономерными. В большинстве произведений до середины пятидесятых годов сочетается реалистический метод с романтической аффектацией стиля, расцветом символики и повышенной эмоциональностью. В этом смыс-

⁵ *История русского советского романа*, под ред. Л. Ершова, Москва—Ленинград 1965, с. 115—116.

⁶ П. Е. Глинкин: *Эпос народного подвига*, „Русская литература” 1971, № 6.

ле монументальная проза противостояла теории „дегероизации”, „окопной правде” и литературе факта⁷.

Необходимо оговориться, что в советской критике, имеющей существенное значение для формирования эстетических взглядов, доминировало в те годы убеждение, что подчеркнутое бытописание не могло бы оплодотворить героическую тему, что романтическая тенденция дает большую возможность изобразить героический характер советского человека. В таком подходе к искусству появились попытки переоценки обоих стилей изображения войны в аспекте их идеологическо-воспитательной функции. С этой точки зрения превозносились или ставились выше романтико-героические произведения в сравнении с теми, которые реализовали конкретно-реалистический стиль, так называемую „окопную правду”. В действительности же эти две тенденции взаимодополнялись, будучи двумя противоположными стилями реалистического метода.

К концу периода все более сказывается плодотворная для эстетического осмысления дистанция времени и постижение знаний о войне. Роман расширяет традиционную проблематику созданием образцов философской прозы, таких, как *За правое дело* (1952) В. Гроссмана, *Русский лес* (1953) Л. Леонова, *Судьба человека* (1956) М. Шолохова. Родившись на стыке двух смежных периодов, эти произведения знаменовали переход советской литературы к новому этапу развития. Наличие разнородных стилевых тенденций и направлений свидетельствует о разнородности факторов, формировавших литературный процесс 1945—1956 годов.

Несмотря на разнообразие жанров, начиная с 1948 года в литературе доминирует ориентация на эпическую панорамность. Выделяется роман о войне, который по масштабности охвата материала и широте обобщений претендовал на народную эпопею. Роман-эпопея занимает исключительно привилегированную позицию в жанровой иерархии советского литературоведения 1945—1956 годов. Главные типологические признаки жанра эпопеи критика усматривала в эпическом размахе изображения, в объективизме авторского повествования, в соразмерности частей в значении полнейшей гармоничности взаимосвязей между личностью и коллективом, героем и народом.

Стремясь быть синтезом, панорамные романы-эпопеи не ставили и не могли решать значительной философской концепции времени. Реальные события в них сосуществовали с идеализированными описаниями отдельных картин и ситуаций. Сам термин „панорамный роман” принял в критике позднее, когда были определены общие типологические признаки различных по теме произведений, обладающих эпопейной широтой, но не овладевших эпопейной глубиной⁸.

⁷ Н. Грибачёв: *О войне и человеке*, „Литературная газета” 1964, 27 августа.

⁸ Г. Белая: *В поисках скромного новаторства*, „Новый мир” 1960, № 8.

Стоит отметить, что дело было не только в личных заблуждениях, но и в общественной философии. Существовал социальный заказ на эпопею. Стоило только появиться крупному роману, как нетерпеливая критика начинала обмеривать его толстовской меркой, прикидывать на *Войну и мир* нового времени. Потребность эпопеи, однако, перерастала условия, необходимые для ее создания. Масштабные романы, которые формально приближались к эпопее, мало внимания уделяли психологической разработке характера героя, превращали его в типическое олицетворение социальной среды или авторской идеи. К жанру эпопеи подходили с чисто количественной стороны, игнорируя его поэтику. Хроникальность, описательность, плакатная схематичность конфликтов, фетишизация истории явились основными препятствиями на пути к эпопее. Не считая тяги к монументализму и эпосу панорамные романы не привнесли новых эстетических ценностей советской баталистике, наоборот, свидетельствовали в большинстве о художественном поражении и регрессе романа о войне, подтвердили анахронизм взглядов о генологическом превосходстве жанра эпопей⁹.

Итак, в конце сороковых — начале пятидесятих годов в терминологию советской критики и литературоведения вошли понятия „панорамный роман“, „роман-событие“, „роман характеров“, которые нередко отождествлялись с „эпопейностью“ или „эпосом“¹⁰. Разделения на „роман-событие“ и „роман-характеров“ придерживается и исследователь советского романа М. Кузнецов, пытаясь доказать, что в истории советской литературы есть периоды, когда на первое место выдвигался событийный роман, уступая место роману характеров¹¹.

В немолкнущие споры о том, не сменяется ли роман „характеров“ романом „событийным“, а роман, сконцентрированный на летописи одной семьи, — романом, в центре которого коллектив, вломился своей книгой *За правое дело* В. Гроссман, воссоздающей события и одновременно придерживающейся семейной хроники. Это был вид романа-эпопей, открытый Л. Толстым.

Свое произведение Гроссман задумал как широкое эпическое по-

⁹ Теория современной эпопей в советском литературоведении складывается весьма противоречиво. К значительным работам по теории жанра принадлежат работы: А. Чичерин: *Возникновение романа-эпопей*, Москва 1958; В. Пискунов: *Советский роман-эпопей*, Москва 1976; М. Бексдин: *Современные советские исследования по эпопее*, „Русская литература“ 1976, № 1; П. Белов: *Русская народно-национальная эпопея XIX века и ее традиции в советской эпохе*, Москва 1967. К исчерпывающим исследованиям жанра эпопей в историческом аспекте зачисляется книга М. Бахтина *Вопросы литературы и эстетики*. Свои положения об эпопее автор иллюстрирует примерами из античного этапа становления жанра романа.

¹⁰ В. Назаренко: *Наши многоплановый роман*, „Звезда“ 1958, № 8, с. 216.

¹¹ М. Кузнецов: *Советский роман*, Москва 1963, с. 267. Эту конструкцию, в частности по аналогии к советской литературе двадцатых годов, автор предлагает к эволюции военной прозы, считая 1941—1945 годы этапом событийным, а конец сороковых — начало пятидесятих годов — этапом характеров.

лотно, которое в авторском намерении должно было панорамно изобразить Сталинградскую битву. Это требовало от автора обратиться к историческим событиям, изучить фактографическую сторону вопроса, познакомиться с техническими средствами ведения войны, и главное, использовать богатый опыт классической баталистики.

Априорная установка на универсализм охвата войны должна была повлечь за собой эпический размах в ее изображении, что в свою очередь вело к необходимости ее философского осмысления. Такая заданность не могла осуществиться быстро и безошибочно. Над первой книгой романа писатель работал девять лет, с 1943 по 1952 год. В ней была впервые сделана попытка философски осмыслить войну, т. е. интерпретировать ее с точки зрения исторического детерминизма и диалектических законов жизненного процесса. Первая книга романа после появления в 1952 году в журнале „Новый мир” вызвала бурю критики¹². Затем Гроссман перерабатывал его, внося значительные коррективы¹³. Окончательный текст произведения так и не получил в критике должной оценки.

Начиная с первых и кончая последними откликами, наибольший грех романа критика усматривала в его идейно-философской концепции. Суть ее сводилась к тому, что человека формируют не конкретные условия жизни, а извечная борьба антиномических начал: добра и зла, растворенных в мире в одинаковых пропорциях. В зависимости от обстоятельств, то одна, то другая сила берет верх, детерминируя поведение человека. По такой теории некоторые персонажи-идеологи пытаются объяснить социальное явление фашизма как некое порождение иррациональных начал народной души, которые „Гитлер лишь вызвал наружу”. В вину автору ставилось то, что он ни разу не разоблачил этой дуалистической философии, нарушая материалистическую теорию диалектики жизни.

Для книжного издания романа Гроссман внес значительные изменения, касающиеся принципиальных проблем, в частности, сгладил идеологическую зыбкость философствующих персонажей, благодаря чему текст приобрел несколько иную акцентировку. Так, например, исключен целый ряд рассуждений об энергетизме, с чисто механическими параллелизмами законов природы и законов общества, вследствие чего мысли персонажа [академика Чепыжина — Н. М.] утратили тотальную значимость, обозначив лишь идейную позицию одной из спорящих сторон.

¹² Л. Львов: *Рождение эпопеи*, „Огонек” 1952, № 7; М. Бубеннов: *О романе В. Гроссмана „За правое дело”*, „Правда” 1953, 13 февраля; А. Лекторский: *Роман, искажающий образы советских людей*, „Коммунист” 1953, № 3; К. Симоннов: *На ложном пути*, „Литературная газета” 1953, 21 февраля; Ф. Волков: *В кривом зеркале*, „Красная звезда” 1953, 25 февраля; Б. Галанов: *Эпопея народной борьбы*, „Молодой коммунист” 1953, № 1; *История русского советского романа*, под ред. В. Ковалева и В. Тимофеевой, т. 3, с. 108.

¹³ Особенно в третью редакцию за 1956 год.

Желая разоблачить историческую обреченность фашизма в аспекте детерминизма, Гроссман пишет дополнительные главы о Гитлере, что в корне меняло философскую концепцию и основной конфликт произведения. Расширение и коррективы философского плана повествования предопределило то, что жизнь военного времени изображалась как многолюдный поток всеобщего усилия. Но решено это было публицистическим путем, а не в контексте эмоционально воздействующих образов. Неравномерно освещены и образы некоторых главных героев, отчего логические акценты не получили концентрации вокруг кульминационных моментов. Количественный показатель не превратился в качественный, не сообщил произведению художественности.

Роман *За правое дело* тяготеет к эпосе, но не является ею. В данном случае писатель принял толстовскую философско-публицистическую насыщенность второго плана. Жанровые параметры эпоса предлагают широкий охват событий и толкают писателя к поискам композиционного стержня сюжетной организации. Таким стержнем или осью Гроссман избрал историю семьи.

Философская концепция, положенная в основу романа, объясняет неизбежность появления авторских отступлений. Их обилие соответствует жанровой типологии, которую мы более или менее удачно определим как „историко-философско-публицистический роман эпопейного типа”, в дальнейшем пользуясь более удобным, хотя и менее точным термином „панорамный роман”.

Специфику романа Гроссмана трудно понять вне того, что автор беспрестанно прерывает беллетристический текст рассуждениями о значении и роли личности и народа. Однако злоупотребление публицистичностью противоречит жанровой природе эпоса. Энергично выдвигая авторские размышления, ретардирующие фабулу, писатель не проникает за фасад внешних событий. И тем не менее, роман Гроссмана среди других подобных романов послевоенного десятилетия заметно выделяется открытым и напряженным осмыслением истории и логики военной судьбы.

Собственно публицистическая доминанта романа не является единственной, повествование часто сбивается на военную хронику. Автор более внимателен к самодвижению истории, чем ее человеческому наполнению. В структуре произведения образ истории реализуется поэтически равнопланово фабульным перипетиям персонажей, не взаимопроникая. Сосуществование в рамках эпического жанра на равных правах поэтически разных элементов было связано с творческими исканиями писателя.

Стремление Гроссмана к многостороннему охвату действительности привело к мозаичности романа, проникновению в его структуру новеллистических тенденций, подробности глав, сюжетно не взаимообусловленных. Многие фабульные линии свободно ответвляются, приобретая за

конченную конструкцию независимой новеллы. Большинство персонажей таких секвенций в дальнейшем развитии сюжета не появляется; повидимому, они были призваны автором проиллюстрировать отдельные побочные функции фабулы.

В основу романа *За правое дело* положен эпический сюжет. Обстоятельства сталинградской битвы определили временную протяженность фабулы, композицию. Эпичность просматривается в стремлении сохранить событийную основу, введении многогеройности и массовых сцен. Развитием фабулы движут не столько сюжетные взаимоотношения персонажей, сколько общий круг идей и философская проблематика. Сталинградские события составляют сквозной сюжет, а судьбы людей лишь эпизодические „довески” в движении истории.

Структура романа держится на семейных связях интеллигентки Шапошниковой с ее тремя дочерьми и их мужьями, на отношениях с друзьями и знакомыми. Члены семьи связывают большинство сюжетных линий, но в собственно батальных событиях не участвуют.

Сюжет развивается „концентрическими кругами”¹⁴, суживаясь к кульминационному пункту центрального события. Принцип концентризма предлагает несколько композиционных центров.

Многие персонажи, в соответствии с завязывающимся конфликтом, вовлечены в эпицентр события, устремленного к Сталинграду, образуя условный композиционный узел. В эпицентре два события: бомбежка города и битва за вокзал. Действие концентрически замыкается от круговой обороны до гибели последнего солдата. Это также вечер в семье Шапошниковых, где действие — наоборот — расходится вширь, вовлекая все большее количество участников. Такой композиционный прием, не лишая фабулы драматизма, захватывает в свою орбиту широкий круг событий и проблем. Унаследованный от классической литературы прием „гнездового” группирования персонажей помогает обнаружить „гнездо” — генезис формирования человеческого характера.

Главный конфликт романа *За правое дело* — столкновение двух антагонистических социально-политических систем — дан в идеологическом аспекте. Экспозиция рисует встречу Гитлера с Муссолини перед началом сталинградского наступления. Следующая, вторая глава, открывается мобилизацией на фронт колхозника Вавилова. Так рельефно наметились две полярные силы конфликта — фашистские диктаторы на вершине успеха и советский человек труда.

Обращаясь к историческим событиям, романист вводит в повествование реально существовавшие личности военачальников, усиливая тем самым историзм произведения.

Наряду с историческими событиями в романе немало места отводится семейно-бытовым отношениям персонажей. Рисуя широкую па-

¹⁴ Термин В. Новикова, [в:] *Художественная правда и диалектика творчества*, Москва 1974, с. 192.

нораму битвы на Волге, писатель не обошел и тему труда в тылу. В этом смысле его роман является первым большим произведением, где фронт и тыл даны во взаимосвязи.

Проблема романа — это часто проблема героя. В роман *За правое дело* вошли многие прототипы персонажей сталинградских очерков Гроссмана¹⁵. Важный для структуры романа образ солдата Вавилова писатель занял из очерков *Власов* и *Бывалый солдат*. Последний даже начинается с того же эпизода, каким вводится Вавилов в роман. Случаев соответствия очерков и романа о Сталинграде немало, и все же воздействие их на роман скорее внешнее. По характеру использованный материал не более как детали творческой лаборатории произведения. Очерковые первоисточники претерпели в процессе обработки в романе существенную метаморфозу.

Интересно представляются и внутренние связи между жанрами. Сопоставляя роман Гроссмана *За правое дело* с его повестью *Народ бес-смертен*, возникшей в 1942 году, обнаруживаем некоторое сходство: писатель повторил композиционную схему повести, усложняя ее в романе. Батальный и идейный планы в повести представлены в соотношении трех ключевых узлов: командир Бочаров, рядовой Игнатъев и комполка Мерцалов. Аналогические группы в романе: персонажи-интеллектуалы (Штум, Чепыжин), далее — группа, напоминающая Игнатъева — колхозники и рабочие (Вавилов, Анкреев), и третья — офицеры (Новиков, Крымов). Роман *За правое дело* реализует и некоторые принципы романа *Степан Кольчугин*, написанного Гроссманом в 1940 году. Итак, роман *За правое дело* вобрал в себя многие жанровые приобретения, написанные раньше писателем очерков, повестей и романа.

В послевоенном романе, особенно военно-историческом, возникло стремление отказаться от индивидуального образа в центре композиции, изображаемое событие уравновесить образом групповым или „коллективным”. Симптоматично, что больший успех в создании индивидуального характера скорее достиг жанр повести, нежели жанр романа.

Отсутствие в романе Гроссмана центрального героя породило не только многогеройность и экстенсивность, но и целый ряд жанровых сдвигов. Это выразилось прежде всего в публицистическом способе повествования, в возросшем весе авторских отступлений, в широком привлечении фактографического материала. Диктат панорамизма обусловил мозаичность и слабую скрепленность разношерстного материала.

Недостаточная композиционная связь привела к распадению романа на отдельные повести и новеллы. Так, линии центральных героев: Крымова, Новикова, Сергея Шапошникова или Вавилова совсем не соприкасаются. Эпизоды мирного плана также являются вставными эпи-

¹⁵ В. Гроссман: *Годы войны*, Москва 1946.

зодами, объединенными лишь общей темой. Такая калейдоскопичность сообщает жанру романа полихроничный характер. Документальная основа, обильное использование историографических источников и военной номенклатуры наложило печать на своеобразие жанра романа-хроники. Все сказанное дает основание говорить о реалистической тенденции автора с героико-романтическими отклонениями от основного русла. Романтизм проявляется в „космизме”, т. е. монументализации действительности, интонационной повышенности стиля, афористичности и риторике. Весь этот арсенал романтических средств понадобился автору для того, чтобы подчеркнуть масштабность времени, величие подвига и веры в конечную победу.

Внешняя простота конструкции романа-панорамы обманчива: за независимыми друг от друга сюжетными ответвлениями встает сложная философская концепция. Без нее изложение беллетризованных эпизодов истории не превратилось бы в историческую панораму жизни. Дополнительно композиция романа *За правое дело* осложняется тем, что собственно военная фабула перебивается ретроспективными воспоминаниями персонажей, авторскими заходами в будущее и медитациями о вечных вопросах быта, жизни и смерти.

Содержание романа Гроссмана характеризует полифонизм идейного звучания. Можно сказать, что это даже роман отвлеченных споров, ибо он слагается как бы из двух сюжетов: сюжета внешнего (событийного) и сюжета интеллектуального наполнения. Идеи решаются не в логике событий и характеров, а во внесюжетных вставках. Философско-публицистические разборы становятся средством художественного анализа и центральной нервной системой произведения.

В перенасыщенности произведения о Сталинграде „мыслительной эссенцией”, в стремлении писателя вывести эту мысль из образной системы и поставить ее „над текстом” сказалась тенденция времени, потребность в синтезе. Подобная абсолютизация отдельного приема изображения, механический перенос в литературу не обязательных средств публицистики привели к заметной декларативности и штампу.

Таким образом, не все авторские отступления в структуре текста кажутся необходимыми. Чаще всего они выглядят априорно и дидактически. Но и эти излишества не ставят под сомнение наш главный вывод о том, что философичность и публицистичность — самые существенные жанровые признаки романа *За правое дело*. Философская доминанта акцентирует суть войны, отечественной и справедливой. Разными путями подводит автор читателя к этому выводу, утверждая даже, что будущая победа рождается в отступающей пока Советской Армии. В таком пафосном освещении фактов истории проявилась идеологическая точка зрения автора, взирающего на минувшую войну с позиции народа-победителя.

Фабульная незавершенность романа мнима, несмотря на гибель

всего батальона в битве за вокзал (а этот эпизод является композиционным ядром), он закончен концептуально, ибо утверждает неистребимость моральных возможностей и силы народа в справедливой войне „за правое дело”.

При всей серьезности недостатков романа писатель все же сумел передать атмосферу Сталинграда и показать, как люди жили и умирали на войне. Роман был литературным продуктом своего времени и автор отдал ему должное.

Исследователь советского романа М. Кузнецов по поводу подобного принципа построения произведения отмечает: „Многоплановый панорамный роман способен лишь дать иллюстрации к истории, не поднимающиеся до уровня искусства.”¹⁶

Соглашаясь в основном с этой суровой оценкой, мы считаем все-таки, что роман В. Гроссмана *За правое дело* не лишен интереса как для читателя, так и для исследователя, ибо он характернейшее явление своей эпохи.

¹⁶ М. Кузнецов: *Советский роман...*, с. 268.

Nelly Malicka

CECHY GATUNKOWE POWIEŚCI WASILIJA GROSSMANA „ZA ŚLUSZNĄ SPRAWĘ”

Streszczenie

Artykuł omawia niektóre cechy gatunkowe oraz budowę świata przedstawionego powieści Wasilija Grossmana *Za słuszną sprawę*. Stanowi ona powieść historyczno-filozoficzno-publicystyczną typu eposu, wzorowanej na powieści Lwa Tolstoja *Wojna i pokój*. Dlatego też w rozprawie posłużono się poręcznym, aczkolwiek niezbyt ścisłym terminem „powieść-panorama”. Ambitny zamiar uniwersalnego zaprezentowania dziejów i ludzi nie przesłonił szczegółowego i rzeczowego przedstawienia nie tylko heroicznego aspektu czynów ludzkich, ale również surowej prozy i codzienności wojny.

Nelly Malicka

THE GENRE FEATURES OF VASILIJ GROSSMAN'S NOVEL „ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО”

Summary

The paper discusses some genre features and the construction of the presented world of Vasilij Grossman's novel *Za pravoe delo*. It consists a historical-philosophical-journalistic type of epos-like novel, based on Lev Tolstoy's *War*

and Peace. That is why the discussion uses a handy, yet not very scientific term of a „panoramic novel”. An ambitious intention of the universal presentation of history and people did not hide the detailed and to-the-point presentation of not only the heroic aspect of human deeds, but also the severe prose of everyday life at war.